

Раушан

Байгужаева

СТРАСТЬ

По мотивам народной были

Широка и раздольна казахская степь. Вольно гуляет по ней забияка-ветер, не ударяясь о скалы, не закручиваясь в ветвях деревьев. Лишь треплет он верхушки редкого караганника, колышет разнотравье, стелет по земле седой ковыль. А любит он, степной ветер, играть с гривами и хвостами лошадей, которые несметными табунами бродят в поисках самых вкусных трав и самой чистой воды. Или скачут во весь опор, состязаясь меж собой в азартной, горячащей кровь игре людей – байге. И тогда ветер, ликуя и посвистывая, несется вместе с ними, подзадоривая первых и подгоняя отстающих.

Но иногда ветру хочется отдохнуть, и он затихает, словно задумывается. И в наступившей тишине разносится по степи звон домбровых струн. И слышится в них то журчание невидимого в густой траве ручья, то блеянье овец, то топот конских копыт, то печальный сказ о раненом кулане, то веселая переключка струн, призывающая к танцу «Кара жорга» – «Черный иноходец»...

Жил некогда в алтайских степях бай по имени Айсары. И было у него скота больше, чем волос на голове, а волосы на голове бая росли так густо, что самая острая бритва с трудом брала их. Богатству Айсары завидовали все соседние баи. Как известно, зависть, словно змея, всегда найдет, куда ужалить. Полны были пастбища Айсары тучных овец и быстроногих коней, но в юрте его не слышалось гомона и смеха ребятни. От этого горя совсем зачахла жена бая Багашар, когда-то сводившая с ума своей красотой всех женихов в округе. Дни напролет она изводилась, вымаливая у Матери Умай ребеночка, как учили женщины рода. Но глуха была богиня к ее молитвам. И вот однажды Багашар, потеряв все надежды, упала на колени в самой середине юрты, возвела глаза к откинутому тундуку, за которым голубело высокое небо, протянула руки и воскликнула: «О, Тенгри всемогущий! Прошу тебя, дай нам дитя! Пусть эта юрта наполнится его смехом и топотом ножек. Не прошу я у тебя пятерых, троих, даже двух не осмеливаюсь просить. Хотя бы одного-единственного!». И показалось бедной женщине, что в небе сверкнула звезда. Возрадовалась она ей, как благому знаменью, и обратилась к мужу с просьбой сделать жертвоприношение. Но тот лишь рукой махнул: сколько уже было принесено в жертву скота, а толку никакого. И странное дело,

жена не стала настаивать, лишь вздохнула и промолвила: «Как знаешь. А только верю я: Тенгри мой меня не оставит».

Велела она служанке нагреть воды и наполнить деревянное корыто. Долго нежилась Багашар в горячей воде, настоящей на листьях душистой мяты. И с того дня уже не видел бай неизбывной тоски в ее глазах. Как в первые дни после свадьбы порхала нарядная жена, отдавая распоряжения слугам. И охотно стала выезжать с мужем на тои – свадебные пиры, празднества в связи с рождением ребенка и другие увеселения в степи, со скачками породистых скакунов, состязаниями в стрельбе из лука, борьбой силачей-палуанов, айтысами акынов и обильным угощением. Особенно нравилось Багашар слушать кюи-наигрыши на домбре. Забыв о времени, она могла наслаждаться звуками, исходящими от перебора струн этого нехитрого инструмента, казавшегося ей живым и всезнающим.

Ранней весной, когда молодая мурава еще не успела появиться и скот довольствовался остатками прошлогодней травы на выпасах, Багашар родила дочку. «Шолпан!» – выдохнула она, принимая младенца на руки. Так и нарекли девочку – Шолпан, в честь яркой утренней звезды, которую порой и днем можно рассмотреть на небе.

С появлением дочери жизнь Багашар наполнилась радостью и смыслом. Айсары тоже ожил, воспрял духом, точно открылись пред ним врата в земной рай, куда доселе вход им с женой был заказан. Он не чаял души в ласковой, шаловливой дочурке и уже подумывал о наследнике.

Годы шли, Шолпан росла, но чрево Багашар больше не завязывалось семечком. Видя, как грезит муж мальчиком, она не раз кусала губы и жалела о том, что вымолила у Тенгри единственное чадо. А когда вдруг девочка заболела, женщина суеверно шептала: «Таубе, таубе! Прости меня, мой Тенгри, спасибо тебе и за эту милость!».

Еще двухлетней крохой Шолпан любила возиться с игрушечной домброй, а когда она подросла, отец подарил ей настоящую, искусно изготовленную местным мастером Кертаем из алтайской сосны, с чуткими струнами из бараньих кишок. Кертай стал по просьбе бая и учителем его одаренной дочки. На лету девочка схватывала все, чему учил ее мастер, и вскоре уже играла один за другим народные кюи и пела душевные песни под домбру. Мать не могла нарадоваться на дочь, и только одно ее заботило: как бы девочку не сглазили. Однако Тенгри хранил подаренное им чадо, оберегал от всех напастей.

В ожидании сына прошло несколько лет. И вот однажды к отчаявшемуся Айсары пришла мысль воспитывать дочь, как мальчика. «Еркек Шора» называли в народе таких девушек. Шолпан в росте уже почти догнала мать, была крепкой в кости, с сильными цепкими руками. И бай решил сделать ее камшигером, обучить древнему искусству владения камчой, в котором сам был непревзойденным мастером.

Багашар воспротивилась этому решению мужа, но тот сказал, как будто бы в шутку:

– Ну, тогда придется мне приискать себе молодую жену, пусть она родит мне сына.

Эти слова прозвучали для женщины как пощечина, и она больше не осмеливалась перечить мужу. А Шолпан не выказала протеста, хотя и особого восторга не проявила.

Бай сам смастерил для дочери камчу. Рукоятку он вырезал из таволги, а ударную часть сплел из сыромятной шкуры двухлетнего козла-валуха, нарезав ее на двадцать четыре тесьмы. Плетка вышла на славу. Айсары взмахнул ею и рассек надвое толстый волосьяной аркан.

– Конечно, ты – девочка, и в тебе нет мужской силы, – говорил он, – но если точно ударить в нужное место и сосредоточить в том месте силу удара, то даже тебе удастся овладеть этим искусством.

Дни шли, складываясь в месяцы, и на исходе года Шолпан уже могла на скаку взмахом камчи выбить с лошади набитое песком чучело человека, свернуть шею барану, сломать коновязь.

Имелась у бая еще одна страсть: к чистопородным лошадям. И с годами она только усилилась. В каждом косяке его было по одному или паре таких скакунов. Но двумя красавцами-братьями, отцом которых был туркменский ахалтекинец, а матерью – казахская казанат, Айсары дорожил пуще всех своих многотысячных табунов. Старший, пятилеток Тельторы, чье имя обозначало «Гнедой, Вскормленный Двумя Матками», имел мощный костяк и удобный ход. А саврасый трехлеток Майдажал – Пушистая Грива, с гусиной шеей и высокими ногами, больше походил на отца-ахалтекинца. Айсары отдал за них дорогую плату – сотню обычных лошадей и две тысячи баранов. Опасаясь конокрадов-барымтачей, бай сам стерег их в отведенной для этой цели юрте. А когда отлучался из дому, то доверял охранять их только семнадцатилетней дочери, которая теперь виртуозно управлялась с плеткой. Как-то она отбила драгоценных коней у знаменитого барымтача Екея. ударом камчи сломав ему руку. В другой раз один из воров стрелой сбил с нее шапку и обомлел, увидев рассыпавшиеся косы. Шолпан взмахом плетки сорвала с лошадей одного за другим трех джигитов. А главарь отозвал двух других и с криком: «Не хватало мне еще с бабами сражаться!» ускакал восвояси.

Однажды заядлый лошадиник и вор по имени Еламан, живший в черных горах Богды, оказался с подельниками в ауле Айсары. Чутье привело его к той самой юрте, в которой стояли чистопородные скакуны бая. И надо же было такому случиться, что именно в ту ночь бай оставил их дочери, а сам уехал на поминки в дальний аул.

Угощаясь кумысом в одной из крайних юрт, воры вывели у словоохотливых жителей аула, что Шолпан имеет пристрастие к музыке, и стоит где-то зазвенеть струнам домбры, как она вся превращается в слух. Известно, что в степи каждый второй казах владеет даром игры на домбре, но Еламан был настоящим искусником в этом деле.

– Я отвлеку девчонку, а вы выведете коней, – сказал он своим друзьям.

Вечером Еламан пришел к юрте. Шолпан, как всегда, в мужской одежде, сидела, скрестив ноги, подле нее, с подветренной стороны и перебирала струны любимого инструмента. Камча выглядывала из голенища сапога. При виде незнакомца она насторожилась и перестала играть.

– Кто вы такой и что тут делаете? – спросила девушка, грозно сдвигая брови.

– Ты, красавица, играй, играй, – кивнул Еламан, – а я послушаю, – и быстро присел рядышком. – Чудо, как хорошо играешь, мимо проходил и заслушался.

Польщенная словами незнакомца, Шолпан охотно начала играть, но не отрывавший от нее глаз молодой джигит смущал ее, и она спуталась. Тогда Еламан попросил у Шолпан домбру и заиграл. Никогда прежде девушка не слышала ни

этого кюя, ни такой игры! Впившись глазами в руки джигита, она забыла обо всем на свете. Длинные пальцы левой руки его порхали бабочкой по ладам, а правой он уверенно ударял по струнам, извлекая удивительные звуки. В них слышался девушке размеренный топот копыт горячего иноходца с удалым наездником, спешащим к своей возлюбленной вдоль звонкого ручья. Закончив играть, незнакомец протянул к ней домбру: «Я слышал, ты поёшь. Спой, пожалуйста». Вдохновленная прослушанным кюем, с горящими глазами, Шолпан взяла домбру, сделала вступление и запела. Голос ее, словно раскинувший крылья сокол, полетел над степью. Еламан заслушался и едва не забыл про коней.

– Спасибо тебе, сестрица, – промолвил он, ласково касаясь ее рук. – Но мне пора идти.

«Не сон ли это?», – думала охваченная волнением девушка, когда незнакомец растворился в темноте. И только войдя в юрту и не найдя там лошадей, Шолпан поняла, что была обманута. Объятая гневом, она вскочила на коня и поскакала в степь. Долго кружила девушка, зорко всматриваясь в ночь, но конокрады точно сквозь землю провалились. Из груди Шолпан вырвался вопль ярости, она спрыгнула с коня и принялась ожесточенно хлестать камчой одинокий валун. Потом упала обессиленно наземь и горько разрыдалась. Девушке было страшно и стыдно признаться отцу в том, что позволила одурачить себя какому-то вору. И пришлось ей первый раз в жизни соврать, сославшись на крепкий беспробудный сон.

Горе бая было велико, беспредельно, но любовь к единственной дочери оказалась сильнее, и Айсары не стал наказывать ее. Молча вскочил он на коня, взял с собой двух провожатых и отправился на поиски украденных любимцев. Но Шолпан все же почувствовала себя наказанной, ведь отец не позвал ее с собой.

Дни шли, и однажды в ушах девушки зазвучал тот кюй. Руки ее невольно потянулись к домбре. Она шаг за шагом начала восстанавливать наигрыш в памяти. А когда вспомнила последние звуки, испытала необыкновенную радость, словно нашла дорогую пропажу. И теперь, оставаясь наедине с собой, Шолпан играла кюй и не могла насладиться им, как в полдневную жару не можешь напиться ключевой воды. Все ее существо словно растворялось в звуках струн, а перед глазами стоял неотступно образ того джигита. Порой девушке казалось, что она обезумела, ведь он был вор, угнавший дорогих лошадей отца и заслуживающий самого жестокого наказания. Отложив домбру, Шолпан выезжала на своем гнедом трехлетке в степь. Там, на просторе, она скакала во весь опор, подставляя ветру пылающие щеки. Ах, как ей хотелось забыть того незнакомца, стереть из памяти! Но чем больше девушка желала этого, тем ярче видела она его перед собой, тем больше тянулась к домбре.

И вот наступил тот день, когда Шолпан сказала матери:

– Матушка, вели служанкам пошить мне шелковое платье с оборками и плюшевый бешмет цвета молодой зелени. И пусть ювелиры-зергеры смастерят мне серебряные кольца и браслеты. Что там еще носят молодые девушки?

Багашар уже давно заметила перемену в дочери, но к такому обороту дел оказалась не готова.

Она испуганно всплеснула руками:

– Дитя мое, что отец скажет?

– Что бы он ни сказал, уже не имеет значения, – ответила дочь, блеснув глазами.

Неделю спустя девичий наряд с украшениями был готов.

Бай тем временем продолжал поиски дорогих коней, расспрашивал встречаемых, а вечером возвращался домой уставшим и разбитым. Он осунулся, зарос бородой, никого и ничего не замечал вокруг. Как-то Багашар, удрученная его состоянием, робко предложила обратиться к известному гадалщику-балгеру, который по навозу мог найти пропавший скот. Однако бай сердито отмахнулся. И тогда Шолпан не выдержала, взяла домбру и стала наигрывать кюй незнакомца. Айсары, лежавший на подушках с прикрытыми глазами, встрепенулся, посмотрел в ее сторону и остолбенел. Дочь, которую он пытался превратить в сына, сидела, одетая в платье с оборками, с монистами в косах, в круглой девичьей шапочке, вышитой бисером, и играла на домбре чуждый этим местам наигрыш.

Потрясенный бай долго молчал, потом спросил устало:

– Откуда ты знаешь этот кюй?

Вздыхнув и потупив глаза, Шолпан поведала правду о том, как проворонила лошадей.

– Дитя мое, что же ты до сих пор молчала?! – вскричал бай.

Наутро, взяв с собой дочь, Айсары отправился вдоль Иртыша к знаменитому домбристу Шалабаю. Выслушав кюй, который сыграла Шолпан, тот сказал уверенно:

– Это «Кос кагу» – «Двойной удар», кюй Еламана с гор Каратау.

Через несколько дней пути Айсары и двое его спутников добрались, наконец, до аула Еламана. У одной из юрт бай увидел стоявших на привязи своих любимцев, охраняемых двумя дюжими молодцами. Он оставил спутников снаружи и вошел в дом.

Еламан сидел у очага, неотрывно глядя на огонь. Когда он поднял глаза, бай увидел в них глубокую печаль. Еламан взял в руки лежавшую подле домбру и заиграл.

– У твоего Тельторы ход вот такой, – произнес он, с силой ударяя по струнам. – А у Майдажала совсем иной бег, он словно летит, едва касаясь копытами земли, – теперь пальцы кюйши запорхали, извлекая из инструмента мягкие шелестящие звуки.

Айсары невольно заслушался. Как точно изобразил ход его любимцев этот вор-домбрист!

– Откуда ты знаешь, кто я? – спросил бай.

– Она очень похожа на тебя, твоя дочь.

Еламан предложил гостю почетное место и поднес чашу с кумысом.

– Мой отец был конокрадом, и я перенял от него страсть к этому ремеслу, – начал он. – Так это было занятно – угонять красивых лошадей, выставлять их на байгу или обменивать на другой скот, щегольскую одежду, дамасский меч. Я относился к этому делу, как к забаве. Но когда выкрал твоих коней, обманув твою прекрасную дочь, что-то надломилось во мне. С тех пор я словно заболел, пропала охота к конокрадству. Меня преследовало доверчивое лицо твоей дочери, а в ушах звучал ее нежный голосок. Много раз ко мне приходили лошадакчи-атбеги и просили продать твоих коней, предлагая баснословную плату. И казахи,

и монголы, и китайцы. Но я даже слышать не хотел! Эти лошади стали усладой для моих глаз и... проклятием. Несколько раз я порывался вернуть их тебе. И не столько потому, что совесть замучила. А потому, что хотел еще раз взглянуть на твою дочь, услышать ее голос... Мне уже тридцать лет, и до сих пор ни одна девушка не трогала моего сердца, как твоя Шолпан.

Он усмехнулся.

– Ты пытался превратить ее в Еркек Шора, но тем самым лишь еще больше раскрыл в ней женскую красоту... – он замолчал, уйдя в свои думы.

– Твое мясо поспело, – заметил Айсары. – Может быть, накроешь нам дастархан?

После окончания трапезы Еламан сказал баю:

– Тельторы и Майдажал целы и невредимы, хоть сейчас готовы выйти в путь. Как мне откупиться от своей вины? Я согласен на любое поголовье скота, которое ты назовешь.

Айсары вытер жирные руки о голенища сапог и произнес:

– Не нужен мне твой ворованный скот. Откупом твоим будет твоя клятва, что никогда больше не вернешься к конокрадству.

Еламан с готовностью упал на одно колено, приложил правую руку к сердцу и с глубоким чувством произнес:

– Пусть меня покарает белое молоко моей дорогой матушки, если я когда-нибудь еще украду хотя бы одну лошадь!

В этот миг с кереге упала старая отцовская шалма – петля для поимки лошадей. Все с изумлением посмотрели на нее.

– Собирайся, поедешь с нами. – сказал бай после некоторого молчания. – Остальное наказание от моей дочери. Пусть она проучит тебя своей камчой.

Еламан в смятении посмотрел на него.

– Или боишься, что сломает тебе хребет? – с суровой усмешкой спросил бай.

– Я другого боюсь, – вздохнул бывший вор. – Встретить ненависть в ее глазах.

Бай помолчал, подбирая слова.

– Я сделал из дочки джигита, – сказал он наконец, – а тебе удалось вновь обратить ее в девушку. Она сидит там, одетая в нарядное платье, с монистами в косах и играет твой кюй «Кос кагу»!..

От юрты к юрте летит забияка-ветер, разнося весть о том, что бай Айсары готовится к свадьбе своей единственной дочери Шолпан. В лице бывшего конокрада Еламана обрел он зятя и сына, о котором мечтал и грезил многие годы. Глядя, как молодые слаженно играют на домбре, а Шолпан поет так, как никогда в жизни не пела, Багашар благостно шепчет: «Спасибо тебе, мой Тенгри!» и утирает слезы счастья.

